

**ЕВРАЗИЯ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ВЫП. 1.
КУЛЬТУРНЫЙ КОСМОС ЕВРАЗИИ. НОВОСИБИРСК, 1999. С. 124 – 136.**

**А.С. Зуев
г. Новосибирск**

**ХАРАКТЕР ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ
В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

(с. 124) Долгое время в нашей исторической науке господствовал подход, при котором советские историки, отвергая на словах, на деле руководствовались принципом известного марксистского историка М.Н. Покровского: “история — это политика, обращенная в прошлое”. Такой подход накладывал существенный отпечаток на оценку и характеристику почти всех исторических событий и явлений, зачастую сильно искажая их. Не миновал он и историю Сибири. Особенно сильно политизированной оказалась проблема присоединения этого региона к России. Оценка данного события менялась вслед за изменением политической конъюнктуры.

В первое двадцатилетие советской исторической науки безраздельно господствовала концепция завоевания Сибири. С одной стороны, она опиралась на вековую историографическую традицию (дореволюционные историки присоединение Сибири к России трактовали в целом как завоевание), а с другой, вполне соответствовала тогдашним устремлениям по разоблачению царизма, его колониальной политики, а также “решительной борьбе с пережитками великорусского шовинизма” (работы С. В. Бахрушина, А. П. Окладникова, С. Б. Окуня и др.).

После Великой Отечественной войны в целях укрепления дружбы народов, подчеркивания выдающейся прогрессивной роли России в отношении стран Востока, воспитания масс на примерах истории и по ряду других причин (связанных с советской идеологией) получает распространение тезис о добровольном и мирном характере вхождения сибирских народов в состав Московского царства.

Однако известные факты сибирской истории и вековая историографическая традиция не позволяли все же безусловно принять тезис о добровольном вхождении Сибири в состав России. В этих условиях ряд историков ввели в оборот нейтральный термин “присоединение”, что позволило им согласовать и завоевание, и добровольное вхождение. Термин “присоединение” благодаря своей расплывчатости казался очень удобным, и в начале 1960-х годов тогдашний лидер советского сибиреведения В.И. Шунков предложил “признать оправданным господство в нашей литературе термина “присоединение”, поскольку он включает в себя “явления различного порядка - от прямого завоевания до добровольного вхождения”. При этом, правда, Шунков особо подчеркивал, что “факты добровольного вхождения пока что установлены лишь по отношению к отдельным народностям” и что “отрицать наличие в этом процессе элементов прямого завоевания, сопровождавшегося грубым насилием, значит игнорировать факты” [72, с. 210 – 211, 231].

Сформулированный Шунковым термин “присоединение” сразу же был принят на вооружение советскими историками и вошел как аксиома в их работы. Но при этом в исследованиях 60-х гг. достаточно быстро произошла подмена трактовки самого этого

термина. Подавляющее большинство советских историков, не отрицая в принципе “элементов завоевания”, акцент стало делать на “мирном” и даже “добровольном” вхождении сибирских народов в состав России. Это вполне соответствовало идеологическим установкам тех лет, когда утверждался тезис “советский народ - новая историческая общность людей” и нужно было доказывать вековую дружбу народов, входящих в состав СССР.

В конечном счете в советской историографии к 1970-м годам восторжествовала концепция преимущественно мирного и добровольного присоединения Сибири к (с. 125) России [12, 31]. Суть ее сводилась к следующему: завоевание имело место только на первом этапе, когда дружина Ермака разгромила Сибирское ханство, и только исключительно в отношении этого ханства, остальные же территории Сибири и сибирские народы мирным путем входили в состав Русского государства, русские поселенцы и казацкие отряды осваивали земли, строили города, заводили пашни, вступали в мирные хозяйственные и культурные связи с местным населением, и только в редких случаях малочисленные кочевые и охотничьи племена оказывали сопротивление. Но эти отдельные вооруженные столкновения не меняли общего мирного характера присоединения Сибири. Фактически произошло выхолащивание концепции Шункова: из трактовки присоединения исчезло завоевание и осталось только добровольное вхождение.

Нужно заметить, что аналогичным образом в то время оценивалось и характеризовалось присоединение к России не только Сибири, но и других регионов – Поволжья, Кавказа, Средней Азии.

Таким образом, являясь не плодом научных исследований, а продуктом советской идеологии, концепция “преимущественно мирного присоединения” Сибири опиралась не на факты, а на заданные идеологические установки. И, естественно, как только эти установки стали рушиться, трещину дала и сама концепция.

Начавшаяся в середине 1980-х “перестройка”, а вслед за тем и обвал марксистских догм, рост национального самосознания и национальных движений народов, входящих в состав СССР, привели сначала к медленному, а потом к все ускоряющемуся пересмотру концепции “преимущественно мирного и добровольного вхождения” народов в состав России.

Для историков толчком к обсуждению проблемы, вероятно, послужила публикация 17 августа 1989 г. в газете “Правда” “Платформы КПСС о национальной политике партии в современных условиях”. В этом партийном документе, между прочим, говорилось: “Нужна прежде всего неискаженная, полная правда о реальных процессах развития межнациональных отношений в СССР, о том, какие причины привели к возникновению острых коллизий в межнациональных делах. И здесь не должно оставаться “белых пятен” [59, с. 87].

Буквально вскоре, 20 – 24 ноября 1989 г., в г. Звенигороде состоялся “круглый стол” на тему “Присоединение народов к России и его объективно-исторические последствия”. В его работе принимали участие многие видные историки из Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик СССР. Материалы стола продемонстрировали начавшийся отказ историков от прежней господствовавшей трактовки присоединения как безусловно добровольного и мирного процесса, плюрализм мнений, сложность

самой проблемы, неоднозначность оценок. При этом четко обозначилось, что, если столичные историки пытались еще как-то отстоять понятие “добровольное вхождение”, то историки, представлявшие национальные республики, как правило, подвергали это понятие остракизму. Но в целом участники стола отметили сложность и неоднозначность процесса присоединения той или иной территории к России.**

С начала 1990-х годов в исторической литературе, когда речь заходила о приобретении Россией в XVI — XIX вв. новых территорий, все чаще стали использоваться термины “завоевание”, “колониальная политика”, “экспансия”.

Перемены затронули и сибирскую историографию. В новейшей литературе, опубликованной в 1990-е годы, уже признается неоднозначный характер присоединения (с. 126) Сибири в целом и ее отдельных регионов в частности, сложность и противоречивость этого процесса. Отмечается, что нельзя преуменьшать масштабы конфликтов, которые имели место на этапе присоединения Сибири к России, а также степень сопротивления русским отдельным групп местного коренного населения. Указывается на то, что взаимоотношения русских и аборигенов были крайне напряженными, имелось много моментов, приводящих к конфронтации отношений и вооруженным столкновениям. Историки отказываются от употребления термина “добровольное вхождение” как несоответствующего реальным фактам и к тому же искажающего этническое самосознание народов. В частности, якутский историк Г.А. Иванов, анализируя взаимоотношения русских и якутов, обратил внимание на то, что “в концепции “добровольного вхождения” Якутии в состав дореволюционного Русского государства по логике ее авторов проходит мысль о том, что якутский народ — это такой этнос, который сам “напрашивался” на свое бесправное положение” [21, с. 44].

Однако при знакомстве с сибиреведческой литературой последнего десятилетия явно бросается в глаза следующее обстоятельство. Как не странно, общий пересмотр взглядов на проблему присоединения к России нерусских народов не привел к появлению сколько-нибудь большого количества работ, касающихся оценки характера присоединения Сибири. Складывается впечатление, что историки с большой осторожностью относятся к данной проблеме, поскольку не без основания опасаются, что ее широкое обсуждение может вызвать обострение межнациональных отношений в Сибири. Данное обстоятельство, видимо, обусловило и стремление многих историков, описывающих присоединение тех или иных территорий, сознательно или неосознанно уйти от оценки и характеристики самого процесса, ограничиваясь изложением сугубо фактической стороны дела.*** На сегодняшний день редко кто из сибиреведов прямо ставит вопрос о характере присоединения Сибири к России. И это, конечно, создает определенные трудности, когда пытаешься обозначить, какой же позиции придерживается тот или иной автор.

Тем не менее, проведенный мной анализ новейших исследований, в которых так или иначе затрагивались проблемы присоединения Сибири к России, позволяет нарисовать картину состояния историографии по вопросу о характере присоединения, выделив при этом основные позиции и концепции, проявившиеся к настоящему моменту, а также остановиться на ряде принципиальных вопросов, без решения которых, на мой взгляд, невозможно поставить все точки над “i”. При этом ограниченный объем статьи, к сожалению, заставил представить материал в несколько схематичном виде, без детализации и учета всех нюансов в позиции авторов.

На данный момент достаточно четко проявились три взгляда (назовем их условно концепциями) на характер присоединения Сибири.

Во-первых, несмотря на признание противоречивости характера присоединения продолжает существовать **“концепция преимущественно мирного вхождения Сибири в состав России”**. Ее позиции, правда, сильно пошатнулись, но сторонников она имеет еще достаточно много.

Представители этого направления, критикуя советскую историографию за идеализацию процесса присоединения Сибири и соглашаясь с тем, что этот процесс имел сложный и противоречивый характер (даже сопровождался насилием и жестокостью), в то же время утверждают, что факты вооруженных столкновений между русскими и аборигенами имели место только на первых порах и носили локальный характер, что (с. 127) насильственные методы сочетались с мирными, причем последние явно преобладали и были основными. Одним словом, “довольно частые военные конфронтации пришлых иноземцев и туземного населения не изменили в целом мирного вхождения необъятных территорий Сибири в состав Русского государства” [19; 20; 38; 45, с. 44 – 45, 83, 86 – 87; 67, с. 22 – 24; 73, 103 – 104].

В принципе, эта концепция мало изменилась по своей сути по сравнению с 70—80-ми годами, разве что из нее исчезло, или почти исчезло, упоминание о “добровольности”. Более того, до сих пор встречаются работы, в которых по-прежнему старательно умалчиваются факты вооруженных столкновений и сопротивления сибирских аборигенов, походы русских казаков “встречь солнцу” преподносятся как исключительно “великие географические открытия”, а сами казаки как бескорыстные землепроходцы, этакие “рыцари без страха и упрека” [9; 24, с. 35 – 36; 25, с. 22 – 23; 31; 35; 36; 53, с. 13 – 14, 16 – 18, 20; 63; 64, с. 70 – 71; 65; 66; 69], сложные отношения с южносибирскими кочевниками трактуются однозначно как оборонительные со стороны России и агрессивные со стороны кочевников [23, с. 100 – 106]. Подобные взгляды нашли отражение и в появившейся в последние годы учебной литературе для средних школ [27, с. 39 – 41; 32].

При этом некоторые историки, отстаивая мирный характер присоединения, без всякого смущения утверждают, что он доказывается историческими реалиями. Так, Т.Н. Очирова в весьма претенциозной, но абсолютно безграмотной (с точки зрения знания исторического материала) статье “Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства” безапелляционно утверждала, что “расширение территорий Российского государства и присоединение к нему Сибири носило не завоевательный, а мирный характер, о чем свидетельствуют многочисленные исторические документы, касающиеся освоения Сибири” [54, с. 139]. Данный тезис показывает, что его автор не знаком не то что с историческими документами, но даже с соответствующей исторической литературой.

Вторая концепция – это **“концепция присоединения”**, в той трактовке, какую ей дал В.И. Шунков. Вероятно, первым вернуться к ней призвал новокузнецкий историк А.Ю. Огурцов. В двух своих статьях, вышедших в 1990 и 1994 гг., он весьма жестко критиковал “миротворческие” усилия советских историков, которые исказили концепцию Шункова, и, в соответствие с последней, высказал утверждение, что “присоединение Сибири к России представляет собой чрезвычайно пеструю мозаику, в

которой мирный и насильственный элементы создают разнообразную цветовую гамму со множеством оттенков” [50; 51, 8].**** В 1992 г. в аналогичном духе высказался Н.И. Никитин, указавший на то, что “по сути дела и за Уралом Россия проводила обычную для государства своего времени политику, расширяя мирным и, если надо, немирным путем собственную территорию за счет более слабых соседей” [47, с. 116].

Однако, за исключением А.Ю. Огурцова, пожалуй, больше никто из историков открыто не заявил о том, что стоит на позициях “шунковской” концепции. Тем не менее, по смыслу и содержанию работ можно все же предположить (но только предположить), что данной концепции придерживаются такие исследователи как Н.И. Никитин [46], Д.Д. Нимаев [49, с. 12], Б.Б. Батуев и И.Б. Батуева [2; 3], П.А. Слепцов [68, с. 40], Н.С. Модоров [41, с. 48 – 53; 42, с. 64 – 68; 43, с. 31 – 33, 117 - 118; 44, с. 28], Г.П. Самаев [60], В.И. Дьяченко [15, с. 102 – 103], она нашла отражение и в (с. 128) учебных пособиях для школ [4, с. 31 – 40]. Обращая большое внимание на военно-насильственный элемент в присоединении (употребляя даже термин экспансия), они указывают и на факты мирного и отчасти добровольного вхождения отдельных народов в число подданных “белого царя”. При этом интересно отметить, что некоторые из исследователей, судя по их работам, все более акцентируют внимание на военную сторону присоединения, на жестокости казачьих отрядов и сопротивлении аборигенов установлению русской власти (Б.Б. Батуев, Н.С. Модоров).

Наконец, в новейшей литературе зазвучала и “концепция завоевания”, демонстрирующая полную или частичную реанимацию тех взглядов, которые господствовали в отечественной историографии до 1940-х годов (а в зарубежной историографии доминируют до сих пор). Применительно к истории Сибири ее впервые четко и безапелляционно сформулировал казанский историк И. Измайлов в статье 1991 г. под названием “Счеты и просчеты имперских историков”, где написал об извечной агрессивности русской восточной политики и назвал русских землепроходцев “бродягами, авантюристами и разбойниками” [22]. Однако сколько-нибудь существенной открытой поддержки эта концепция до сих пор не получила.

Пожалуй, только автор этих строк в ряде своих работ, отмечая что разные народы “присоединялись” по разному, предложил все же весь процесс присоединения Сибири к России оценить как завоевание, поскольку он имел преимущественно военный характер и сопровождался вооруженной борьбой русских с сибирскими аборигенами [16, с. 38; 17; 18, с. 23 – 74]. Схожую точку зрения несколько ранее, но применительно только к присоединению одного региона — северо-восточной Сибири, высказал В.Н. Кузьминых. В небольшой статье “Неизвестная война. Чукотка 1649 — 1755 гг.” он четко сформулировал тезис, что в отношении колонизации этой территории “применим термин “завоевание”, поскольку там с момента появления Дежнева почти сто лет шла “необъявленная война” русских с чукчами” [34, с. 78 – 81].

Ряд историков, не высказывая открыто своей позиции, тем не менее, судя по их работам, склоняются к признанию концепции завоевания. Так, А.В. Головнев охарактеризовал “первый этап” присоединения северо-западной Сибири в XVI—XVII вв. как “военный” [11, с. 13 – 14]. Е.П. Кандаракова, характеризуя процесс присоединения Северного Алтая к России, использовала термины “захват”, “покорение”, “подчинение” [29]. Другой исследователь, кемеровчанин С.В. Романов, пришел к выводу, что “взаимоотношения русских и инородцев были крайне напряженными, имели много моментов, приводящих к конфронтации отношений” [57].

В.А. Тураев в своей очень интересной источниковедческой статье показал, как стремление подчеркнуть мирный характер “сибирской одиссеи России” привело советских историков к цензурированию источников, что выражалось в их публикациях с купюрами, которые имели принципиальный характер. Он привел конкретные примеры того, как в результате “кастрации” документов искажался их общий смысл, особенно в части описания взаимоотношений русских с аборигенами. Отметив, что характер источников не соответствует концепции мирного присоединения Сибири, Тураев пришел к вполне однозначному выводу: “Реальная история народов Сибири и Дальнего Востока, их взаимоотношений с Российским государством гораздо сложнее. Совсем не простым и не мирным было их присоединение к России. Нет практически ни одного, даже самого маленького народа, который оказался бы в ее составе по собственной воле” [70, с. 154 – 169].

К признанию концепции завоевания стал, видимо, склоняться и такой известный исследователь-сибиревед как Б.П. Полевой. В вышедшем недавно 1-м томе “Истории Русской Америки” он в отношении присоединения всей Сибири использовал термин “завоевание”, подчеркнув, правда, при этом, что вооруженных конфликтов было (с. 129) “относительно не так уж много”, и продвижение русских по Сибири носило в целом мирный характер [28, с. 17]. Стоит заметить также, что Б.П. Полевой призвал историков освободиться наконец-то от созданного в отечественной историографии “странного культа” Е.П. Хабарова и мифологизации русского продвижения на Амур, восстановив историческую правду об амурском походе и лично самом Хабарове, действия которого, возможно, принесли больше вреда, нежели пользы русским интересам в Приамурье [55].

В последнее время появилось и немало работ, авторы которых, как указывалось выше, вообще избегают давать оценку характеру присоединения Сибири. Но независимо от того, каких взглядов по данному вопросу они на самом деле придерживаются, излагаемый ими фактический материал по истории присоединения отдельных регионов или Сибири в целом (о казачьих походах, многочисленных вооруженных столкновениях, упорном сопротивлении сибирских народов установлению русской власти) рисует перед читателями картину именно завоевания. Это относится к таким работам как первый том “Истории казачества Азиатской России” (авторы соответствующих разделов Н.И. Никитин и В.Н. Дариенко) [26, с. 25 – 39], “Древний город на Оби: история Сургута” (Е.М. Главацкая, А.Т. Шашков, Н.А. Миненко) [14, с. 87 – 114, 213 – 214], “Очерки истории Коды” (А.Т. Шашков) [52, с. 72 – 116], статьям Е.М. Михайловой [40], А.Р. Артемьева [1], А.А. Бродникова [6].

Таким образом, в целом при знакомстве с новейшей сибиреведческой литературой по проблеме присоединения Сибири к России видно, что, во-первых, наметился плюрализм мнений, во-вторых, историки стали отказываться от однозначной трактовки присоединения, господствовавшей прежде, хотя многие из них, если не большинство, продолжают придерживаться прежней точки зрения о преимущественно мирном характере присоединения, в-третьих, в работах все большее внимание начинает уделяться военно-политическому аспекту присоединения, характеру взаимоотношений русских с аборигенами, вооруженным столкновениям, т.е. тому, о чем ранее предпочитали умалчивать, наконец, в-четвертых, явно заметна неуверенность исследователей в определении характера присоединения Сибири, большинство из них

избегают какой-либо оценки, ограничиваясь в лучшем случае констатацией сложности и противоречивости самого процесса присоединения.^{*****}

Но подводя итог, нельзя не обратить внимание на то, что на сегодняшний день переосмысление характера присоединения Сибири носит скорее эмоциональный, нежели научный характер. Продолжает существовать ряд вопросов и проблем, с которыми надо разобраться, прежде чем дать оценку присоединения Сибири. Из них я обращаю внимание лишь на три момента.

I. Необходимо определиться с терминологией и методологией вопроса.

Дело в том, что и в советской и в постсоветской историографии присоединения Сибири (да и не только Сибири) самым слабым звеном является путаница в терминологии, смешение терминов и понятий, что в свою очередь является следствием абсолютной непроработанности методологии вопроса. “Проколов” в этом плане достаточно много, но можно ограничиться указанием на наиболее значимые, а именно: отсутствие, во-первых, историко-типологических моделей присоединения отдельных территорий и народов и, во-вторых, четкого определения тех понятий и терминов, которыми оперируют.

Советские историки в разное время употребляли термины “присоединение”, “завоевание”, “вхождение”, “добровольное вхождение”, “освоение”, “колонизация” и (с. 130) т. п., однако никогда не пытались (по крайней мере сибиреведы) дать им методологическое обоснование. Все казалось и так понятным. И лишь в последнее время исследователи стали задумываться над смыслом слов, которые произносят. На поверку оказалось, что не все так однозначно, как думалось прежде. Упомянувшийся “круглый стол” на тему “Присоединение народов к России и его объективно-исторические последствия” отчетливо показал, что у историков нет однозначных трактовок одних и тех же терминов, одних и тех же процессов. Появившиеся в 1990-е годы исследования обозначили определенный сдвиг в сторону нового осмысления.

Становится, в частности, ясно, что нельзя смешивать присоединение и освоение территорий, это совершенно разные процессы. Они могут идти “наперегонки” или параллельно друг другу, но все же не один вместо другого. Присоединение — это политический акт включения территории (мирным или военным путем) в состав какого-либо государства, завершающийся установлением административной и государственной власти, а освоение — это уже процесс создания на данной территории определенной экономической системы (так, по крайней мере, освоение понимается в литературе, хотя трактовать его можно и шире, добавив, например, культурное освоение).

Можно, конечно, дать и другие определения указанным процессам, поспорить по их поводу, но в любом случае исследовать их надо именно как отдельные процессы, не подменяя один другим. При этом, разумеется, нельзя отрицать того, что в сибирской истории присоединение тесно переплеталось с экономическим освоением. Подчас последнее даже опережало первое [16, с. 36 – 39].

Совершенно некорректно в советской литературе “завоеванию” противопоставлялись “земледельческая колонизация”, “мирное заселение”, “вольно-народная колонизация”. Например, крупнейший знаток сибирской историографии Н.А. Миненко по поводу

вклада В.И. Шункова в сибиреведение писала: “В его работах была вскрыта социально-экономическая основа русской колонизации восточной окраины, доказан преимущественно земледельческий ее характер и *тем самым* опровергнуто ошибочное мнение о доминирующем значении военного момента на этапе вхождения Сибири в состав Российского государства” [12, с. 28]. (курсив мой. - А.З.). Авторы “Крестьянства Сибири в эпоху феодализма” утверждали, что “стихийное мирное заселение края сыграло решающую роль в присоединении его к Русскому государству” [30, с. 36]. Можно было бы привести еще немало подобных высказываний.

Но ведь вполне очевидно, что “завоевание” и “колонизация” (или “заселение”) не антиподы, они явления разного порядка, их нельзя уравнивать или противопоставлять, они вполне могут сосуществовать друг с другом. Земледельческая колонизация территории сама по себе не может исключать факта ее завоевания, заселение играет роль в освоении, но присоединение в принципе может произойти и без заселения, по крайней мере массового (пример Польши и Финляндии является тому доказательством).

Неясен также вопрос: равнозначны ли понятия “колонизация” и “освоение территории”? П.Ю. Черносвитов, например, недавно выдвинул интересную трактовку, согласно которой “освоение территории” это процесс, при котором приходящее на некую территорию население строит на ней автономную и в целом самодостаточную систему хозяйствования, направленную на удовлетворение потребностей данного населения, а “колонизация” - это процесс, при котором ресурсы территории (колонии) используются в первую очередь для снабжения метрополии [71, с. 123]. Таким образом, получается, что вряд ли правомерно употреблять понятия “колонизация” и “освоение” как синонимы, что до сих пор сплошь и рядом делается в литературе.

Много вопросов вызывает и тезис о добровольном присоединении, по-прежнему встречающийся при описании присоединения ряда сибирских народов. Доказывая его, историки апеллируют к тому, что эти народы (точнее их вожди) добровольно приносили (с. 131) присягу (шерть) на верность русскому царю (кеты, томские татары, забайкальские буряты, алтайские племена и некоторые другие). Но факты показывают, что принесение подобных присяг вызывалось не искренним стремлением стать подданными России, а диктовалось либо стремлением предотвратить “вперед на себя посылки государевых ратных людей”, либо надеждой на русскую помощь и защиту в борьбе с более сильными соседними племенами, либо желанием поучаствовать в русских походах с целью грабежа “немирных иноземцев”.

Кроме того, надо учитывать не только все обстоятельства “добровольного вхождения”, но и то, что стороны по-разному понимали и оценивали те формулы подчинения, которые были заложены в присяги и договоры, и придавали им далеко не адекватное содержание и смысл. В этом отношении сошлемся, в частности, на интересное наблюдение, сделанное Г.П. Самаевым по поводу принесения в Томском остроге в 1609 г. шерти князем ак-теленгитов Абаком. Самаев указал на то, что русские расценили это как принятие Абаком подданства (хотя тот и отказался платить ясак), а сам Абак как равноправный союз: “Многие слова из шерти, якобы произнесенные Абаком в остроге, представляют скорее иллюзию томских властей, запечатленную местным дьяком или подьячим в соответствии с установленным трафаретом, нежели подлинные слова князя, не знавшего ни русского языка, ни русской грамоты” [60, с. 18 – 19]. Думается, что подобное “иллюзорное” восприятие шерти было в целом характерно для

русских властей в Сибири. В этой связи стоит задаться вопросом: а понимали ли те сибирские народы, которые еще жили первобытнообщинным строем, что такое подданство и кто такой царь? Укладывались ли новые политические понятия, принесенные русскими, в их головах?

Говоря о “добровольности”, нужно упомянуть и практиковавшуюся русскими систему “аманатства”. Казаки, придя на землю неясачного племени, захватывали в плен родовых старейшин или их родственников, превращая их в заложников — аманатов. Ради сохранения жизни сородичей племя вынуждено было вносить ясак и таким образом “добровольно”, в действительности - вопреки своей воле, присоединилось к России.

Необходимо учитывать и тот момент, что уплата ясака отнюдь не всегда означала признание русского подданства. На первых порах сбор ясака часто сопровождался со стороны русских раздачей подарков, поэтому аборигены воспринимали его как простую меновую торговлю — казаки же спешили рапортовать о включении в русское подданство новых групп “иноземцев”. Подобное обстоятельство зачастую приводило к недоразумениям: когда ясачные сборщики пытались взять ясак, ничего не давая взамен, иноземцы отвечали отказом и брались за оружие. Иначе говоря, внесение ясака аборигенами и признание ими русской власти — это не всегда одно и то же. Здесь надо исследовать каждый конкретный случай. Поверхностный же подход к фактам может привести к неверной и даже противоречивой оценке, как, например, это получилось у Е.П. Кандараковой, которая в одном выводе сделала два взаимоисключающих заявления: “Обложение ясаком волостей северного Алтая не следует рассматривать как принятие подданства России, однако, приведение “под государеву высокою руку” свидетельствует о попадании в зависимость от русских властей, следовательно, можно это рассматривать как принятие подданства России” [29, с. 76 - 78].

Одним словом существует проблема: равнозначно ли мирное присоединение добровольному вхождению? И, кстати, далеко не ясно, имеет ли вообще термин “добровольное вхождение” право на существование. Я лично не знаю ни одного примера из мировой истории, когда бы один этнос по настоящему добровольно (без всяких внешних побудительных причин) присоединился к другому этносу (вошел в состав другого государства).

(с. 132) Другая проблема: можно ли вообще подвести под одно понятие процесс присоединения огромной территории, каковой является Сибирь. С одной стороны, несомненно, что многие сибирские народы покорились русской власти только после вооруженного сопротивления. С другой стороны, были и факты мирного подчинения. Причем и это подчинение шло по-разному. Так вправе ли мы говорить, что Сибирь в целом была “завоевана” или присоединена “преимущественно мирным путем”. Может быть, есть смысл говорить о подчинении каждого народа (или каждой территории) в отдельности? Ведь никто же не пытается охарактеризовать одним термином процессы присоединения к России территорий, лежащих до Урала (Прибалтики, Украины, Кавказа и т. д.).

Сторонники концепции Шункова могут мне указать на то, что термин “присоединение” как раз наиболее соответствует процессу присоединения Сибири, поскольку включает явления разного порядка. Осмелюсь с этим не согласиться, поскольку термин этот весьма расплывчат, он не дает точной характеристики, под него можно подвести какие

угодно процессы. В том понимании, какое в него вложил Шунков, его можно использовать для обозначения любого расширения владений какого-либо государства, независимо от того, каким путем шло это расширение. Например, с полным основанием можно говорить о “присоединении” к фашистской Германии Австрии, Чехословакии, Польши, Франции, части СССР, ведь это присоединение шло разными путями: одни были присоединены “мирным” путем, другие завоеваны.

Так что, на мой взгляд, слово “присоединение” не может служить в качестве термина, характеризующего процесс присоединения. Оно не более, чем слово из русского языка, которое служит для обозначения (но не для характеристики) расширения территории государства.

II. Предстоит большая работа по восстановлению реальной картины русского продвижения на восток.

Чтобы говорить о характере присоединения Сибири, нужно выявить все факты вооруженных столкновений и все методы, которые применялись русской властью по подчинению сибирских народов. На необходимость такой работы еще в 1963 г. указывал Шунков. Но с тех пор ничего сделано не было, а посему наши рассуждения о характере присоединения не более, чем рассуждения.

Можно привести один конкретный и характерный пример подобного рода рассуждений, распространенных в литературе.

Новосибирский археолог и историк С.Г. Скобелев в одной из своих работ утверждал следующее: с одной стороны, “в целом для большинства территорий Сибири была характерна ситуация, когда вооруженные столкновения коренного народа с русскими людьми продолжались от нескольких месяцев до 20—30 лет, в основном в период присоединения данных территорий к России”, но, с другой стороны, “в целом, как известно, процесс присоединения Сибири шел мирным путем” [67, с. 22 - 24]. Налицо явное противоречие, которое типично для многих современных исследований: противоречие надуманной концепции реальным фактам.

Поэтому несомненно, что только после того, как будет составлена полная хроника присоединения Сибири (именно присоединения, а не освоения), станет понятно, насколько мирно тот или иной народ вошел в состав России.

III. Необходимо избавиться от “руссоцентристского” подхода к присоединению Сибири, и взглянуть на это дело глазами не только русских казаков, но и сибирских аборигенов. Как последние сами-то воспринимали свое подчинение Русскому государству? Каково было их отношение к установлению русской власти? Прodelать такую работу, конечно, чрезвычайно сложно, поскольку существующие документальные источники отражают преимущественно точку зрения лишь одной, русской, стороны. Однако имеется немало фольклорного материала, который вполне позволяет исследовать (с. 133) эту проблему. И попытки в этом направлении уже предпринимаются в новейшей литературе. В частности, В.И. Кузьминых, проанализировав чукотский фольклор, пришел к выводу, что для чукчей русские представляли опасность номер один, а образ казака для них являлся собирательным образом врага, причем жестокого и безжалостного [33, с. 32 – 39].***** Другой исследователь, В.М. Никифоров, показал (правда, не вполне внятно и убедительно), что

якутский фольклор рисует “в определенной мере” не ту картину русско-якутских отношений, которую преподносит советская историография: в памяти якутского народа от знакомства с русскими казаками осталось немало негативных моментов [48].

Кстати, мне не встречалась ни одна работа, в которой бы анализировалось и то, как русские “землепроходцы” оценивали свое “движение встречь солнцу”. Они-то что думали по этому поводу? Да и не только они, но и правительство. Имело ли последнее какую-либо программу колонизации и осознавало ли цели и значение присоединения новых территорий, или, как утверждают некоторые историки, ничего подобного не было? [13, с. 26; 37, с. 119 – 120]

1. Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1998. Т. 3.
2. Батуев Б.Б. Буряты в XVII – XVIII вв. Улан-Удэ, 1996.
3. Батуев Б.Б., Батуева И.Б. Краткий очерк истории народов Сибири. Улан-Удэ, 1992.
4. Бахаев В.Б., Шагдуров И.Н. История Бурятии. Ч. 1. Дореволюционный период: Учеб. пособие для 9 – 10 кл. Улан-Удэ, 1995.
5. Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1934.
6. Бродников А.А. Русско-тунгусские отношения в Среднем и Нижнем Приангарье в 20-е гг. XVII в. (военно-политический аспект) // Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994.
7. Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII – XIX вв. / Материалы к серии “Народы Советского союза”. Вып. 3. Хакасы. М., 1990.
8. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995.
9. Бушнев Н. Конкистадор Чукотки // Русская Америка. Вологда. 1995. Вып. 6.
10. Васильевский Р.С., Резун Д.Я. К вопросу о некоторых принципиальных моментах общности процессов колонизации Сибири и Северной Америки в XVII – XVIII вв. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XVIII вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1998. Т. 3.
11. Головнев А.В. Русское влияние на культуру народов северо-западной Сибири в XVII – XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992.
12. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

13. Демин М.А. Коренные народы Западной Сибири в русской историографии конца XVI – первой трети XVIII в. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Томск, 1997.

(с. 134)

14. Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994.

15. Дьяченко В.И. Вхождение Якутии в состав России // Сибирь: древние этносы и их культуры. СПб., 1996.

16. Зуев А.С. “Немирный чукчей искоренить вовсе” // Родина, 1998. № 1.

17. Зуев А.С. О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998.

18. Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI – XIX вв.). Учеб. пособие. Новосибирск, 1998.

19. Зуев В.Н. К вопросу об изучении так называемой “чукотской войны” (30 – 70-е гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2.

20. Иванов В.Н. Исторические основы межнациональных отношений в Якутии // Межнациональные отношения в регионе. Якутск, 1990.

21. Иванов Г. А. О методологических аспектах изучения истории отношений России с Якутией // Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Якутск, 1994.

22. Измайлов И. Счеты и просчеты имперских историков // Родина. 1994. № 8.

23. История Алтая. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 года: Учеб. пособие. Барнаул, 1995.

24. История и культура ительменов: историко-этнографические очерки. Л, 1990.

25. История и культура коряков. СПб., 1993.

26. История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995.

27. История Российского Приморья: Учеб. пособие. Владивосток, 1998.

28. История Русской Америки. М., 1997. Т. 1.

29. Кандаракова Е.П. Присоединение Северного Алтая к России // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996.

30. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

31. Кружинов В.М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1994 (2-е изд. 1997).

32. Кузнецова Ф.С. История Сибири. Ч. 1. Присоединение к России: Учеб. пособие. Новосибирск, 1997.
33. Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов северо-восточной Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994.
34. Кузьминых В.И. Неизвестная война. Чукотка 1649 – 1755 гг. // Материалы XXXII Междунар. науч. студенч. конф. “Студент и научно-технический прогресс”: История / Новосиб. ун-т. Новосибирск, 1994.
35. Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991.
36. Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997.
37. Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994.
38. Миненко Н.А. Урал и Сибирь конца XVI – первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997.
- (с. 135)*
39. Минжуров Д.Э. Присоединение Сибири к России // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Новосибирск, 1994. Ч. 1.
40. Михайлова Е.А. К вопросу об этно- и культурогенезе коренного населения крайнего Северо-Востоке Азии // Сибирь: древние этносы и их культуры. СПб., 1996.
41. Модоров Н.С. Еще раз о проблемах присоединения Алтая к России // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998.
42. Модоров Н.С. Роль России в исторических судьбах населения Горного Алтая // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996.
43. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII – XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996.
44. Модоров Н.С. У истоков дружбы. Горно-Алтайск, 1989.
45. На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч. 1.
46. Никитин Н.И. Начало казачества Сибири. М., 1996; Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999.
47. Никитин Н.И. Страсти вокруг Ермака, или можно ли в наше время воспевать “завоевателей” и “покорителей” // Москва, 1992. № 7/8.

48. Никифоров В.М. Историческая основа пословиц и поговорок народа саха // Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Якутск, 1994.
49. Нимаев Д.Д. Буряты: диалектика этнического и государственного // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997.
50. Огурцов А.Ю. Русская экспансия в южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2.
51. Огурцов А.Ю. Русская экспансия за Урал. Век XVIII // Сибирская газета. 1991. № 48.
52. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
53. Очерки истории Приморья. Владивосток, 1996.
54. Очирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994.
55. Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2.
56. Пустогачев Я.А. К вопросу присоединения северных этносов к России // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996.
57. Романов С.В. К вопросу о характере взаимоотношений русского и аборигенного населения в XVII – первой половине XVIII вв. // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX вв. Кемерово, 1997. № 90.
58. Ромодановская Е.К. Счеты сводить ни к чему // Сибирская газета. 1990. № 44.
59. Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. М., 1995.
60. Самаев Г.П. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). Горно-Алтайск, 1996.
- (с. 136)**
61. Сафронов Ф.Г. Вопрос о присоединении Якутии к Русскому государству в советской исторической литературе // Изв. СО АН СССР. 1969. Сер. общ. наук. № 1. Вып. 1.
62. Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988.
63. Семенов А. Землепроходцы // Землепроходцы. Петропавловск-Камчатский, 1994.

64. Сергеев О.И. Казачество на Тихоокеанском побережье России: историческая роль в прошлом и современное положение // Изв. Росс. гос. историч. архива Дальнего Востока. Владивосток, 1996. Т. 1.
65. Сергеев О.И., Чернавская В.Н. Казак М.В. Стадухин – исследователь Северо-Востока Азии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1998. Т. 3.
66. Сергеев О.И., Чернавская В.Н. Русские казаки-землепроходцы как первые исследователи Дальневосточного региона (к постановке проблемы) // Культура, наука и образование народов Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: история, опыт, развитие. Хабаровск, 1996. Вып. 4.
67. Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII – XX вв.: колебания численности и их причины. Учеб. пособие. Новосибирск, 1998.
68. Слепцов П.А. Межэтническое взаимодействие в Якутии в дореволюционный период // Межнациональные отношения в регионе. Якутск, 1990.
69. Студеникин М.Т. К 300-летию присоединения Камчатки к России // Преподавание истории в школе. 1997. № 7.
70. Тураев В.А. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2.
71. Черносивитов П.Ю. Русская колонизация Севера: становление и разрушение “генофондов культуры” // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX веках (историко-археологические исследования). Владивосток, 1994. Т. 1.
72. Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.
73. Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Якутск, 1994.

· Справедливости ради надо отметить, что все же не все историки признали концепцию преимущественно мирного и добровольного присоединения Сибири. Пожалуй, наиболее упорно ее отвергал и так и не признал якутский историк Ф.Г. Сафронов (см.: [61; 62, с. 13]).

** Материалы дискуссии для того времени оказались настолько острыми, что их решились опубликовать только шесть лет спустя, в 1995 г. (см.: [59, с. 6 - 167]).

*** Показательна в этом отношении, в частности, статья Р.С. Васильевского и Д.Я. Резуна, которые, задавших целью проанализировать “некоторые принципиальные моменты общности процессов колонизации Сибири и Северной Америки”, совершенно обошли стороной такой принципиальный момент как соотношение мирного и военного факторов в ходе колонизации названных территорий (см.: [10]).

**** Заметим, правда, что на год раньше, в 1990 г., в “Сибирской газеты” было опубликовано короткое интервью с известным сибирским литературоведом Е.К. Ромодановской, посвященное личности Ермака. Отвечая на вопрос

корреспондента, “можно ли говорить в целом о насильственном присоединении Сибири”, Ромодановская отметила, что в этом процессе переплетались и “мирное добровольное признание вассальной зависимости”, и “насильственное присоединение” [58, с. 9].

**** Ряд авторов материал вообще преподносят таким образом, что даже догадаться невозможно, что они думают по поводу характера присоединения или Сибири в целом, или ее отдельных регионов (см., напр.: [7, с. 30 – 54; 8; 39; 56, с. 68 – 71]).

***** Аналогичные наблюдения в свое время сделал В.Г. Богораз (см.: [5, с. 171]).